

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: ТРАНСФОРМАЦИИ РУБЕЖА ВЕКОВ

Памяти событий 1968 г. посвящается

И.Н. ИОНОВ

Трансформация исторических теорий на закате СССР и в постсоветской России

В статье в контексте социокультурных и социально-психологических процессов, развития мировой исторической науки прослежены теоретические проблемы, вставшие перед отечественной исторической наукой во второй половине XX – начале XXI вв., и способы их решения. Представлены позиции крупнейших историков, связь их теоретических позиций с их мировоззрением. Они рассматриваются в рамках культурного, антропологического и пространственного поворотов в историческом знании. Анализируются проблемы современной трансформации созданных ими направлений знания, центры новаторской исторической мысли и перспективы исторического знания в современной России.

Ключевые слова: цивилизационный подход, история ментальностей, история повседневности, новая имперская история, когнитивная история, интеллектуальная история, перекрестная история.

DOI: 10.31857/S086904990000386-6

Во второй половине XX в. положение исторической науки в СССР было противоречивым. С одной стороны, некоторые наиболее вопиющие способы догматизации истории, а также ограничения в доступе к историческим источникам после 1956 г. были отчасти преодолены, но позитивные тенденции постепенно притормаживались, особенно на рубежах политических кризисов 1964 и 1968 гг., а также в 1970–1972 гг. [Партийная... 2008, с. 44–45; Курносков 2008]. Проблема в том, что в советском понимании истории и после 1956 г. партийное руководство играло ключевую и вполне самостоятельную познавательную роль. Именно партийная идентичность историка, нормативность формационного видения прошлого гарантировали истинность и объективность его представлений, внимание к необходимому и закономерному, материалистический характер и историзм его воззрений, формировали историческую память, резко разделявшую способы восприятия царской и советской России. Роль фундированности и источниковедческой стороны исследования несколько возросла. Но так или иначе историческое знание

Ионов Игорь Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН. Адрес: 117331, Москва, ул. Крупской, д. 7. E-mail: igion52@yandex.ru.

должно было служить подтверждению теорий социально-экономических формаций и классовой борьбы, заполняя обрисованный К. Марксом контур яркими красками, делая его все более убедительным. Метод исследования навязывал историку готовый реифицированный предмет, картину прошлого, более того, иерархию составляющих ее элементов, в рамках которой культура (надстройка) не могла определять экономику (базис). Соответственно, поощрялся или подавлялся интерес историков к тем или иным проблемам.

Мировые социально-политические и культурные процессы 1960–1970-х гг. открывали перед советской исторической наукой блестящие перспективы. Так, именно в это время в мировой науке происходил пересмотр теоретических оснований гуманитарного знания, связанный с деятельностью близких ей по духу единомышленников А. Грамши и Д. Лукача, которые были левыми, а часто и просто коммунистами, интересовавшимися прежде всего историей угнетенных (рабочих, населения колоний). Правда, они отличались по стилю мировосприятия. На Западе в 1950–1970-х гг. произошли важные социальные изменения, в частности выход на историческую арену поколения “бэби-бумеров” и процесс деколонизации с порожденными им противоположными силами (условно говоря, оасовцев¹ и постмодернистов [Mazlish 1993, p. 115–116]), причем победа осталась за вторыми. “Революция самовыражения” 1960–1970-х гг. акцентировала роль свободомыслия и творчества, самоконтроля на фоне снижения роли внешнего контроля за поведением², расширяла идентичности за границы того, что Э. Эриксон называл “псевдовидами” (расы, нации) [Riesman, Glazer, Denny 2001; Эриксон 1996, с. 40, 51; Ионов 2014, с. 129].

Господство нормативных макроидентичностей, навязанных истеблишментом (имперской, национальной, религиозной), под их влиянием стало размываться, а значение игнорируемых ранее идентичностей меньшинств или неполноправных (гендерной, региональной, групповой) – осознаваться и расти, что сказалось на возвышении индивидуальной идентичности [Wouters 2007, p. 5, 89, 92, 174–175, 191]. Соответственно, возрос интерес к познавательной и репрезентативной активности историка, к факторам, препятствующим достижению истинности, объективности и аддитивности результатов исторического исследования. Этот процесс подкреплялся изменением структуры исторической памяти, разрушением ее триумфалистской, культуртрегерской составляющей.

Вера в нормативные способы достижения исторической истины сменилась осознанием множественности “режимов истины”, саморефлексией историка и критическим отношением к влиянию на него собственных предпосылочных структур (установок): парадигмальной, дискурсивной, нарративной, одним словом – феномена “власти-знания”, порождающего разрыв “слов” и “вещей”. Исследователи учились отличать истину, объективность и рациональность от стереотипов, порожденных объективацией и рационализацией их внутренних или навязанных образованием установок [Берк 2015, с. 26, 83, 90, 121–123]. Сциентистская сосредоточенность на социально-экономических закономерностях постепенно замещалась гуманитарным вниманием к культуре, и особенно к ее животворным истокам – повседневной деятельности людей, сопротивлению предпосылочным структурам, деконструкцией познавательных установок с целью совершенствования знания о прошлом. Возникла новая социальная история рабочих Э. Томпсона (1964), ставшая провозвестницей культурного поворота 1980–1990-х гг. и определившая основную тенденцию развития исторического знания на десятилетия вперед [Thompson 1966].

Но в СССР тенденции роста индивидуализма и “революция самовыражения”, обозначившиеся у шестидесятников, были слабее, чем на Западе, и вызвали негативную реак-

¹ ОАС – террористическая организация ультраправых во Франции, противодействовавшая распаду Французской колониальной империи и пытавшаяся установить диктатуру военных. К ней, кстати, принадлежал и будущий лидер “Национального фронта” Ж.-М. Ле Пен.

² К. Вутерс прямо связывал ее с периодом информализации, то есть снижения формальных требований к поведению.

цию партийного руководства. Власть КПСС базировалась на незыблемости нормативных марксистско-ленинских познавательных установок, вне которых власть номенклатуры выглядела как олигархическая, империалистическая и эксплуататорская [Восленский 1991]. Принцип классовой и партийной идентичности теперь не сближал советских историков и левых историков Запада, а противопоставлял их. В СССР новые тенденции в истории были отвергнуты как антипартийные, идеалистические, субъективистские, порожденные буржуазными идеологическими влияниями и отвлекающие от познания исторических закономерностей в область случайного, а значит, маловажного, а то и ложного. Экономцентризм стал развиваться в противостоянии с культурцентризмом и приобрел дополнительную ценность как инструмент идеологической борьбы [Берк 2015, с. 44–45]. Эта тенденция особенно обострилась в 1968–1969 гг., когда, с одной стороны, произошел высший подъем влияния левых сил и усиление их влияния на развитие культуры и науки, а с другой – их отчуждение от СССР, проявившего себя как империалистическая сила [Inglehart 1989; Ader 1963; Tsvetkova 2013].

Не без влияния новых настроений в Институте истории АН СССР был создан сектор методологии под руководством М. Гефтера. В 1964–1972 гг. М. Гефтером, П. Волобуевым, А. Некричем, В. Даниловым, А. Гуревичем, М. Баргом и др. был выдвинут ряд важных положений, связанных с анализом российской экономики, истории революции, коллективизации и Великой Отечественной войны, а также с осмыслением мировой истории – роли изучения локальных общественных структур и истории ментальностей для понимания социально-экономического развития как предмета исторического знания. Они оказались неприемлемыми для партийного руководства, и начались гонения на историков – от студентов до академиков, от семинаров до научных журналов и издательства “Наука”, а сам Институт истории АН СССР во второй половине 1968 г. был разделен на два института, занимающихся, соответственно, всеобщей и отечественной историей [Курносков 2006]. В результате влияние новых веяний на изучение отечественной истории было резко ограничено, отстаивать догматическую позицию стало проще. Но именно в это время были заложены основы коренной трансформации отечественного исторического знания.

Основные направления перемен в теории истории

Ключевыми для развития исторической науки были попытки М. Барга (1915–1991), А. Гуревича (1924–2006) и Ю. Бессмертного (1923–2000), а также их последователей в 1970–2000-е гг. создать разные варианты исторической теории среднего (промежуточного) уровня как поля исторического синтеза, в разной мере дистанцируясь от дискредитировавшей себя универсалистской философско-социологической теории истории. Неравноправность положения исторического знания Барг видел в том, что теория формаций навязывала историку не только метод, но и результат исследования, даже на локальном уровне. Такое подчиненное положение исторической науки он считал ненормальным, дискредитирующим историческое знание [Барг 1970, с. 249].

Часть историков ориентировалась на реформистский подход, сохранявший связи с универсализмом и детерминизмом теории формаций, но дополненный изучением локальных явлений. В 1970–1972 гг. М. Барг и Е. Черняк предложили теорию стадияльно-регионального типа (исторического региона) как историческую теорию “промежуточного” уровня [Барг 1970, с. 250]. Они стремились ограничить экономический детерминизм истории формаций географическим POSSИБИЛИЗМОМ, а затем и культурцентризмом теории цивилизаций, дополнить дедуктивную схему социальной философии марксизма индуктивными исследованиями марксистов-историков, сохраняя философскую теорию в неприкосновенности, но выстроив рядом с ней историческую теорию, сочетающую интерес к детерминизму и случайности, к общему и особенному. Только таким образом в советских условиях можно было превратить закрытую систему исторического знания, намертво привязанную к идеологической схеме, в открытую, незавершенную. По определению, это была зависимая сфера знания, подчиненная общим телеологическим и де-

терминистским закономерностям исторического материализма, иерархически менее высокая, чем теория марксизма, но имеющая собственные основания в классическом научном знании и марксистской диалектике. Но она не укладывалась полностью в классическую, объективистскую и истинностную схему. Возникли характерные для деконструктивизма варианты традиционных понятий во множественном числе (“капитализмы”). При этом в 1970-е гг. речь не шла о покушении на марксистскую теорию формаций, которой творческие марксисты оставались верны. Стояла лишь задача “конкретизации... законов внутриформационных” [Барг 1970, с. 251, 266].

Реализуя свой замысел, Барг разработал в 1970–1980-е гг. богатую внутриформационную типологию, объяснявшую локальные “разрывы” и “перепады” в развитии обществ, “многоуровневость” и “полиритмичность” исторического процесса. Для него важны также межформационные отношения, как он выражался, “взаимодействие социальных организмов различной формационной принадлежности”, порождающее исторические альтернативы; он описывал “пестроту и неравномерность” включения отдельных регионов в формационные процессы, что отчасти размывало прогрессистский детерминизм марксистской историографии, которая рассматривает историю как закономерное следование стадий развития [Барг 1984, с. 90].

Вопросник историка при этом коренным образом изменялся, он переориентировался с абстрактно-социологической проблематики (различия формаций) на конкретное (специфика регионального развития) и был защищен при этом от догматических претензий неисториков. Закрытая догматическая схема становилась хотя бы отчасти открытой для рефлексии и изменений. Внутри нее могло вызревать новое содержание. Вектор эволюции теории исторического региона уже в 1970–1980-е гг. очевиден: от социально-экономического детерминизма к деятельности человека в многообразии ее контекстов, от экономцентризма к культурцентризму. Причем статус понятия “культура” для характеристики исторического региона был высок с самого начала. Результатом стало дистанцирование от “догматизированной философии” и прямая критика “формально-формационного подхода”, дополнение формационного подхода цивилизационным [Барг 1970, с. 266–267].

Речь шла о движении в сторону теории цивилизаций как варианту пространственного и отчасти культурного поворотов [Берк 2015, с. 11–12, 15, 29]. Цивилизация к 1990-му г. понималась Баргом как особая сущность, “идеальная тотальность общественной жизни, творческая активность людей в рамках определенной пространственно-временной целостности”. Культура как форма исторической жизни оказывается у него шире экономики. Именно она определяет социальную структуру общества на всех ее уровнях, начиная с уровня семьи и кончая уровнем классов, открывая путь к изучению истории повседневности. Каждая цивилизация создает свой стиль исторического мышления, изучение которого помогает двигаться к более точному знанию о прошлом [Барг 1990, с. 25–28]. Происходило сближение с познавательным идеалом М. Вернера и Б. Циммерманн, которые предлагают “излагать между несколькими точками зрения наблюдения и учитывать множественные связи между ними, при этом признавая их историческую конституированность” [Вернер, Циммерманн 2007, с. 75; Ионов 2016, с. 76–78]. Хотя движение в этом направлении прервала смерть, оно продолжилось в созданном Баргом альманахе “Цивилизации” (1992–2017).

Надо подчеркнуть, что такого рода подходы были распространены в это время в мировой теории истории. Речь идет о сходстве идей Барга и глобальной истории американских ученых 1980–2000-х гг. В. Шефера и Э. Вульфа, которые, исповедуя левые и неомарксистские взгляды, пытались создавать исторические теории среднего уровня, борясь с идеологически нагруженными социологическими схемами. Они стремились сочетать глобальные и локальные, макроисторические и микроисторические подходы, анализ общего и частного. Во имя приоритета исторического знания Шефер, ставя в центр внимания глобальную научно-техническую цивилизацию, одновременно настаивал на “стратегической дефрагментации” исследований, внимании к “множеству микроакторов”. Вульф стремился приспособить к своим нуждам терминологию теории формаций (зоны пересечения способов производства), сочетать формационный и цивилизационный под-

ходы, анализировать роль межформационных транснациональных сообществ и их противоречия. Он учитывал роль угнетенных в мировом развитии, продвигал мир-системную теорию и постколониальные исследования, сетевые представления о культуре. При этом надо подчеркнуть, что оба американца шли гораздо дальше Барга в направлении неклассического знания, деконструкции идеологически нагруженных триумфалистских схем мировой истории и связанной с ними исторической терминологии, позволявшей трактовать абстрактные конструкторы как твердые наблюдаемые факты [Ионов 2016, с. 65–74].

Более радикальный, революционный путь преобразования теории истории выбрал Гуревич. Он шел к историческому синтезу в совершенно ином, неклассическом познавательном пространстве, которое дистанцировалось им как от слишком универсализированного и социологизированного пространства, определенного Баргом и Черняком как теория цивилизаций, так и от предельно индивидуализированного исследования уникальных событий, имевших исторические последствия, которое практиковалось Ю. Бесмертным и М. Бойцовым. Подводя итоги в 1998 г. десятилетнему существованию созданного Гуревичем альманаха “Одиссей. Человек в истории” (1989–2017), его редакторы писали, что «уровень “Одиссея” – уровень “срединной истории”, не масштаба Цивилизации, но и не масштаба эпизода из Биографии» [Одиссею... 1999, с. 5–8].

Выстраивая поле диалога вокруг истории ментальностей, Гуревич больше заботился о решении современных ему научных проблем, чем о соблюдении ритуалов советской историографии. Благодаря этому он уже в 1980-е гг. стал живым классиком французской школы “Анналов”, его исследовательский опыт признан революционным крупнейшими историографами, оценен как ранний пример антропологического поворота и исключительный опыт написания немарксистской истории в СССР. По мировому авторитету среди российских гуманитариев Гуревич может быть сопоставлен разве что с М. Бахтиным [Иггерс, Ван 2012, с. 294–295; Берк 2015, с. 58–59].

При этом Гуревич избирательно подходил к опыту школы “Анналов”, сознательно дистанцируясь от близкой советской исторической науке тенденции к сциентизации и социологизации исторического знания, резко противопоставлял антропологический подход традиции Ф. Броделя, считавшегося основоположником “Новой исторической науки”, выступал против его экономического и географического детерминизма, сближения изучения человека и природы, и особенно от связанной с его именем мир-системной теории, которая, как и марксизм, была для него слишком детерминистской, экономцентричной, утилитаристской, материалистической и редукционистской. При этом история ментальностей сохраняла связи с антропологией и исторической социологией культуры (в частности, с фигуративной социологией Н. Элиаса), двигалась в сторону гуманитаристики и герменевтики [Гуревич 1991; Гуревич 1993, с. 116].

Потребность движения в этом направлении носила не только познавательный, но и экзистенциальный характер. В 1993 г., уже после демократических преобразований в России, Гуревич подчеркивал, что Бродель создавал свою детерминистскую концепцию, позволяющую уйти от событийной истории, в невыносимых условиях нацистских концлагерей (1940–1945). Его историческая теория была проекцией на глубокое прошлое собственной жизненной ситуации, в которой доминировали авторитарные личности и тоталитарные институты [Гронский 2018], система запретов и непрекращающийся внешний контроль за поведением, где человек был лишь “актером, выполняющим роль, которая предписана не им сочиненным сценарием”. По словам Броделя, это была “единственно возможная жизненная реакция на то трагическое время”. “Долой событие, особенно тягостное! – писал он. – Мне нужно было верить, что история, что судьбы человечества свержаются на значительно более глубоком уровне...”. Лишь таким образом он мог избавиться от давления тягот жизни. Гуревич принимал точку зрения Броделя на «психологическую основу его “геоистории” и “теории долгого времени»», но считал ее исторически ограниченной [Гуревич 1993, с. 117]. Для него это было признаком капитуляции индивида перед структурами, не только унижающей человеческое достоинство историка, но и разрушающей его профессиональные качества.

Взгляд Гуревича на роль историка и прошлое из демократической России начала 1990-х гг., до которой, наконец, дошла “революция самовыражения”, совершенно другой. Изначально пафосом “Одиссея”, его неперенным *квалификационным* требованием по отношению к историку было свободолобие. “Все в конце концов упирается в одно – в ответ на самому себе заданный вопрос: сколько капель рабства ты сумел из себя выдавить, в какой мере свободен твой дух?” [Гуревич 1994, с. 33]. Для него история представляет собой поле свободы человека, ее предпосылка – “человеческая инициатива”. “Негибкий, жесткий, всеохватывающий”, “всецелый и всесторонний” экономико-географический детерминизм Броделя, минимизирующий эту инициативу и делающий из человека (и историка!) пленника вечного мирового концлагеря, рассматривается Гуревичем как разрушающий историческое знание. Теоретические конструкты Броделя реифицируются в его историческом нарративе, что придает его теории устаревший позитивистский характер. Методология, как и в марксизме-ленинизме, начинает проникать в образы онтологии, определяя картину мира. Его структурализм “приводит ко всеохватывающему, жесткому детерминизму и, как видим, отрицает человеческую свободу, не оставляя пространства для выбора и творчества” [Гуревич 1993, с. 112].

Свобода и творчество – база, фундамент, неперенное условие исторического исследования. История рассматривается Гуревичем как наука гуманитарная, то есть поиск знания о взаимодействии субъектов, о человеке как существе, которым движут прежде всего не потребности, как животными, а ценности, идеалы и воля к их передаче вовне. Именно субъектность, рефлексия и саморефлексия, инициатива историка, делают возможным диалог с человеком прошлого. Для познания ментальных и других структур необходимо дистанцироваться от них, взглянуть на них со стороны, а для этого надо быть свободным. «Нет вопрошающего историка – нет и исторического источника... – писал Гуревич. – Исследовательская, творческая активность историка отнюдь не сводится к “отражению”, к регистрации “данных”; поставленная им проблема делает возможным для него установление контакта с прошлым и влечет за собой “создание”... и исторического источника, и исторических фактов». В его интерпретации прошлого стали доминировать идеалы понимания мотиваций действующего индивида, “подход изнутри”, представления о “мире воображения” и социально-культурном контексте, которые рассматривались как основа исторического синтеза [Гуревич 1991, с. 22–23, 26–27, 33–34].

Бессмертный, действуя в рамках антропологического и культурного поворотов, внес вклад в развитие новой демографической истории, которая принципиально не признает эволюционистского подхода, отрицает возможность рационалистических объяснений демографической динамики, противопоставляет себя идеям социально-экономического, биологического, демографического и экологического детерминизма. Общество предстает у него как “не вполне интегрированная система” [Бессмертный 1995, с. 7]. Логику и причинность нарушает также эпистемологический разрыв между средневековым и современным миром, инаковость человека прошлого. Внимание историка поглощено прошлым, а именно тем стыком общественного и личного, на котором происходила неповторимая индивидуальная реинтерпретация ментальных структур. Бессмертный формировал свой мета-источник на основе материала приходских книг, выявляя и интерпретируя умолчания, противоречия и “проговорки” в тексте, фиксируя тем самым “ментальную дистанцию” между историком и человеком прошлого. Конечной задачей он ставил раскрытие “кода” не только отрефлексированной и нарративно представленной, но и невербализованной логики (“альтеро-логики”) человека прошлого как его интегральной характеристики, включающей сферу культурно преобразованных инстинктов, восприятия и эмоций. На стыке “эго-логики” и “альтеро-логики”, по его мнению, “открывается возможность самопознания современного человека как главного предназначения истории вообще” [Бессмертный 1991, с. 3–5; Бессмертный 1994, с. 239–254; Бессмертный 2003, с. 79].

Идеал исторического синтеза и истории среднего уровня смещался в его интерпретации далеко в сторону истории частной жизни и микроистории. У Бессмертного было заметно “пристрастие к выбору очень небольших исторических объектов: судьба одного

конкретного человека, события одного единственного дня”, которое сочеталось с задачей анализа порожденных внутри этих казусов макропроцессов в обществе. Это давало надежду «на посильную реализацию принципа “дополнительности” микро- и макроанализа». Он обозначил перспективу, “с одной стороны, исследования общественных и групповых стереотипов и структур” как контекста деятельности человека, а с другой – “своеобразия каждого доступного... анализу изолированного казуса и фигурирующего в нем индивида” [Бессмертный 1997, с. 9–11, 20, 306–307; Бессмертный 2003, с. 82; Споры... 1997, с. 306; Человек... 2000, с. 20].

Этот проект Бессмертного был реализован в созданном им альманахе “Казус: Индивидуальное и уникальное в истории” (1997–2017), задачей которого было изучение при помощи средств микроистории и истории повседневной жизни необычного и странного в прошлом. Он двигался от анализа нормативного поля, в рамках которого человек прошлого мог выбирать между имеющимися нормами поведения, – к границам нормы и пространству за ее пределами, к “казусам, в которых персонаж избирает вовсе не апробировавшийся до сих пор вариант поведения. Это может быть поведение, пренебрегающее нормами или, наоборот, абсолютизирующее их (и потому шокирующее окружающих попыткой воплотить недостижимые для большинства идеалы). В таких случаях виднее, что может человек данной группы в данное время и в данной конкретной ситуации” [Бессмертный 1997, с. 307]. Но этого было недостаточно. Важным представлялось выявить масштаб общественного резонанса и исторических последствий подобного рода неконформистского поведения, которые и отличают мимолетный странный эпизод от исторического казуса. В этой точке исследование границ норм перерастало в изучение *пространства свободы* человека соответствующей эпохи, опыта индивидуального выбора как ценности, универсальности “свободы реакций” человека на жизненные обстоятельства и нормы поведения [Ретина 2013, с. 236–237].

Свобода как познавательный инструмент Гуревича в руках Бессмертного стала предметом исторического исследования. В рамках культурной истории это была радикальная версия акционализма: движения от изучения структур к анализу культурных практик и креативности в духе М. де Серто с его понятием “антидисциплины” [Берк 2015, с. 124–125]. По сути, отечественная микроистория и история повседневности в этой своей форме – яркое проявление в отечественной историографии “революции самовыражения” 1960–1970-х гг. и ее повторных ударов в 1989–1993 гг., средоточие сформировавшихся в то время представлений об идентичности и исторической памяти (при критическом отношении к конструктивизму), описание того прошлого, в котором эта революция искала свои истоки. Это была попытка написать историю борьбы чужеродного для данного общества, “выламывающегося” из него незаурядного человека как актора в его борьбе с окружающей средой, с привычным “ходом вещей”, оценить возможности реализации им свободы воли, которые могут рассматриваться как примеры девиантного поведения, исторически-конкретный потенциал изменения сложившихся стереотипов, воплощения человеком своей культурной уникальности, приводящих к широкому общественному резонансу и культурной экспансии свободного индивида. Это история неконформистов, способных противостоять норме на уровне государства, права, быта, семьи, культуры, создавая новые нормы и тем самым – новое общество, новые структуры, новую системность [Бойцов, Тогоева 2007, с. 150; Ретина 2013, с. 240–244].

Современное положение и проблемы развития теории истории

Период “бури и натиска” в развитии теории истории сменился в 2010-е гг. периодом нормализации и институционализации достигнутых результатов. Влияние новых теоретических подходов распространилось на отечественную историю. Коллективы учеников и преемников классиков современной отечественной теории истории получили статус научных школ, с большим или меньшим успехом закрепляют и развивают достигнутые успехи в созданных основоположниками альманахах, на теоретических конференциях и в юбилейных сборниках, а также коллективных монографиях, учебниках и энциклопеди-

ях [Российская... 2001; Российская... 2003; Теория... 2014^a; Теория... 2014^b; Реконструкция... 2017]. Основные результаты исследований, базирующиеся на росте влияния истории цивилизаций, истории ментальностей, постколониальных исследований, гендерной истории, вошли в новую картину прошлого, представленную в многотомной “Всемирной истории в 6 томах” (тт. 1–5, 2011–2014), хотя это влияние еще не распространилось на макроструктуру издания, как, например, в “Кембриджской всемирной истории” [Савельева 2018].

Однако социокультурный контекст исторических исследований вновь изменился. “Революция самовыражения”, связанная с эмансипацией и дифференциацией образов истории, под давлением растущих миграций инокультурного населения на Запад сменилась реакцией, которую ученик Элиаса К. Вутерс связывает с социокультурной интеграцией, аккомодацией, “реформализацией” и их последствиями – возвышением авторитарной личности, реваншем правых и других проимпериалистических сил, а также реставрацией старых форм макроидентичностей (национальной, имперской), восстановлением их нормативного характера, ростом внешнего контроля за поведением и самовыражением, в том числе активизацией государственной политики памяти, хотя сопротивление этим тенденциям сохраняется в рамках “спирали информализации”, так как роль индивидуальной идентичности не уменьшилась [Wouters 2007, p. 176–184, 191–196; Ионов 2014, с. 130]. Эта тенденция обозначилась на Западе с 1980-х гг. и представлена видными историками и политологами, такими как Н. Фергюсон, Р. Купер, С. Курц, Д. Лал, С. Маллаби, М. Бут, М. Игнатъевф [Saccarelli, Varadarajan 2015, p. 12, 201; Ионов 2015^a]. Параллельно развивалось сопротивление историков крайностям релятивизма, укреплялась “средняя позиция” в эпистемологии, делавшая упор на существование реальности вне дискурса, практики, исторического опыта и осуществившая прагматический поворот в историческом знании. Именно практики, а не структуры стали отправным пунктом анализа, развились представления о процессуальности движения к объективности [Репина 2011, с. 124–125, 135–147; Савельева 2018].

В России проходили схожие процессы. По свидетельству Н. Копосова, в 2000-е гг. началась политическая мобилизация, использующая имперскую идеологию, этнопопулизм и миф о войне, пропагандирующая нормативную историческую память как единственно верную, способствующая развязыванию “войн памяти” на постсоветском пространстве [Копосов 2011, с. 228–230; 258–264]. Доклад Вольного исторического общества (2017) подтверждает наличие волны “огосударствления” исторического знания, попыток использовать его в идеологических целях. “Героизированная версия государственного прошлого внедряется сверху агрессивной идеологической политикой”, в то время как гражданское общество сопротивляется этому наступлению [Какое... 2017]. При этом влияние “спирали информализации” малозаметно, очевидно воздействие на историков идей национализма, геополитики и теории заговора. Правда, новая познавательная ситуация позволяет историку использовать профессиональные навыки. П. Уваров пишет: “Память менее всего озабочена выявлением объективной истины, подкрепленной источниками, и в любой момент готова подмять под себя историю... Но и научная история, подвергающая прошлое беспощадному критическому анализу, убивает память... Чтобы разрешить эту коллизию, историк должен работать как профессионал, прослеживая процессы, происходящие с памятью, осторожно модифицируя ее в соответствии с данными науки, и тем самым трудиться над уточнением национальной идентичности, сообразуя ее описание с изменившимися условиями” [Уваров 2015, с. 53].

Движение к сциентизму, нормативности исторического знания, простым путем достижения его истинности и объективности проявляется в России гораздо радикальнее, чем на Западе, сохраняющем традиции постструктурализма. Клиодинамика – одна из версий глобальной истории, развивающаяся в форму исторической глобалистики, ищет законы истории, опираясь на зачастую переоцениваемые философские и макросоциологические теории (универсальный эволюционизм, который характеризуется как “господствующая основа научной картины мира”, неомальтузианство). Она пытается объяснять высокодетерминированные макропроцессы в Мир-Системе при помощи простых, вери-

фицируемых математических моделей. Не случайно антропологический поворот связывается в ее рамках не с третьим, как у Гуревича, а со вторым поколением школы “Анналов”, с отвергавшейся историком традицией Броделя и с традицией в демографии, критиковавшейся Бессмертным [Коротаев, Малков, Халтурина 2007, с. 118–121, 136; Гринин, Коротаев 2009; Зинькина, Ильин, Андреев, Аleshковский, Коротаев 2016, с. 9–10].

В когнитивной истории формируется претензия на создание новой парадигмы исторического знания. Стремление Э. Гуссерля придать философскому знанию точный, как у математики, познавательный статус переносится на историю, причем теоретические проблемы вытесняются источниковедческими, спрямляются сложные пути интеллектуальной эволюции между немецким историзмом, неокантианством и феноменологией. Значение феноменологического подхода (при недооценке и даже дискредитации герменевтики) переоценивается. Традиции источниковеда О. Медушевской приписывается “общее признание”, “прочное место в библиотеке мировой... классики философии истории”, “фундаментальная роль в методологической переориентации всей постсоветской историографии”, а то и всех гуманитарных дисциплин [Медушевский 2013, с. 26, 28–29; Сабенникова 2015, с. 17–18; Ионов 2015б]. Соответственно, возникает соблазн простого разделения истории как строгой науки и социально-ориентированного историописания, локальных и глобальных подходов, познавательных и конструктивистских функций деятельности историка [Маловичко, Румянцева 2013; Реконструкции... 2017, с. 252].

Как замечает Уваров, в постсоветской истории все еще господствует “вера в методологический абсолют”, в то, что “правильный научный метод может быть только один” [Уваров 2013, с. 134–135]. На этом фоне не случайным представляется “стягивание” достижений истории ментальностей и повседневной истории – к более привычной истории цивилизаций. Причем понятия, употреблявшиеся во множественном числе, приобретают единственное число (ментальности – менталитет) [Ипполитов, Репинецкий 2012, с. 157–158; Нагорная 2008, с. 6–7, 9]. По свидетельству В. Согрина, в 2010-х гг. история цивилизаций продолжает занимать лидирующее положение в отечественном историческом знании [Согрин 2013, с. 102]. Н. Морозов указывает, что в руках новоявленных историков культуры понятие “менталитет” стало духовной субстанцией цивилизации, тотальной всеобъясняющей схемой, которой посвящено около 150 работ. “Это случилось потому, что таков менталитет”, – выражение превратившееся в универсальный способ исторического объяснения. Морозов совершенно верно отмечает роль произвольного фантазирования в работах на эту тему, множественность “априорных предположений о структуре менталитета” и характер этого понятия как “умозрительной конструкции” [Морозов 2014, с. 195–196, 221, 229].

* * *

В российской историографии 2010-х гг. актуальными стали задачи сохранения и развития достигнутых ранее успехов, преодоления нормативных вариантов идентичности историков, развития диалога российской, постсоветской и зарубежной теории истории, а также историков центра и периферии страны. Это связано с потребностью удержаться на “спирали информализации”, устоять перед силой догматических традиций разного рода, примитивных представлений о теории истории. Только там, где такой диалог осуществляется на регулярной основе, возникает возможность критически относиться к нормативным мыслительным структурам, а значит, двигаться от их рационализации к рациональности и от их объективации собственных познавательных установок – к объективности.

Примеры такого рода – новая имперская история, ориентированная на изучение практик и дискурсов, связанных с существованием Российской империи [Что такое... 2007], разрабатываемая группой авторов, связанных с журналом “Ab Imperio” (2000–2018) под руководством И. Герасимова и М. Могильнер, а также интеллектуальная история, опирающаяся на Российское общество интеллектуальной истории под руководством Л. Репиной и журнал “Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории” (1999–2018). Характерным для этих направлений является использование методов перекрест-

ной истории, движение от каузального объяснения к контекстуальному, внимание к активности историка в процессе исследования, в том числе к конструированию им историка, рефлексивность и регулируемая смена познавательных позиций историка, позволяющая создать многогранное, объемное, возможно более полное представление о предмете исследования [Реконструкция... 2017; Вернер, Циммерманн 2007].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барг М.А. (1984) Категории и методы исторической науки. М.: Наука.
- Барг М.А. (1990) О категории “цивилизация” // Новая и новейшая история. № 5. С. 25–40.
- Барг М.А. (1970) Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса // Очерки методологии познания социальных явлений. М.: Мысль. С. 249–298.
- Берк П. (2015) Что такое культуральная история? М.: Издательский дом ВШЭ.
- Бессмертный Ю.Л. (2003) Другое Средневековье, другая история средневекового рыцарства (материалы к лекции) // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука. С. 72–99.
- Бессмертный Ю.Л. (1991) Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука.
- Бессмертный Ю.Л. (1995) Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. 1995. Представления о власти. М.: Наука. С. 5–19.
- Бессмертный Ю.Л. (1994) Новая демографическая история // Одиссей. Человек в истории. 1994. Картина мира в народном и ученом сознании. М.: Наука. С. 239–253.
- Бессмертный Ю. Л. Что за “Казус”? (1997) // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М.: ИВИ РАН. С. 7–24;
- Бойцов М.А., Тогоева О.И. (2007) Дело “Казуса” // Средние века. 2007. Вып. 68(4). С. 149–159.
- Вернер М., Циммерманн Б. (2007) После компаратива: *Histoire croisée* и вызов рефлексивности // Ab Imperio. № 2. С. 59–90.
- Восленский М. (1991) Номенклатура. Правящий класс Советского Союза. М.: МП “Октябрь”, “Советская Россия”.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2009) Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гронский А.В. (2018) О концептах авторитарной и тоталитарной личности // Журнал практической психологии и психоанализа. № 1 (<http://psyjournal.ru/articles/o-konceptah-avtoritarnoy-i-totalitarnoy-lichnosti>).
- Гуревич А.Я. (1993) Исторический синтез и школа “Анналов”: памяти Ю.М. Лотмана. М.: Индрик.
- Гуревич А.Я. (1991) О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–35.
- Гуревич А.Я. (1994) “Путь прямой как Невский проспект”, или исповедь историка // Одиссей. Человек в истории. 1994. Картина мира в народном и ученом сознании. М.: Наука. С. 7–34.
- Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. (2016) Введение // Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Историческая глобалистика. В 2 т. Т. 1. М.: Московская редакция изд-ва “Учитель”, Изд-во Московского университета. С. 8-12.
- Иггерс Г., Ван Э. (2012) Глобальная история современной историографии. М.: Канон+.
- Ионов И.Н. (2014) Глобальная история и изучение прошлого России. Ст. 4 // Общественные науки и современность. № 6. С. 123–140.
- Ионов И.Н. (2016) Историческая теория среднего уровня и ее современное значение // Люди и тексты. Исторический альманах. 2015. Идея истории. К 100-летию М.А. Барга. М.: ИВИ РАН. С. 55–81.
- Ионов И.Н. (2015^a) Проблемы современной макроистории. Ст. 1: Шаг вперед, два шага назад? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 50. С. 34–58.
- Ионов И.Н. (2015^b) Проект “когнитивной истории”: археология и экология идей (Размышления

над очередной публикацией О. Медушевской) // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 84–95.

Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И. (2012) История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 14. № 3. С. 154–161.

Какое прошлое нужно будущему России? Доклад Вольного исторического общества Комитету гражданских инициатив 23 января 2017 г. (2017) (<https://komitetgi.ru/analytics/3076/>).

Копосов Н.Е. (2011) Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение.

Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. (2007) Законы истории: Математическое моделирование. Демография, экономика, культура. М.: URSS.

Курносков А.А. (2006) Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960–1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // *Вопросы образования*. № 4. С. 363–389.

Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. (2013) История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: МГОГИ.

Медушевский А.Н. (2013) Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет // Медушевская О.М. *Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 7–48.

Морозов Н.М. (2014) Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово: Практика.

Нагорная О.В. (2008) Теория и история культуры повседневности зарубежных стран. Методические указания к семинарским занятиям для студентов-культурологов. Оренбург: ИПК ОГУ.

Одиссею – 10 лет (1999) // *Одиссей. Человек в истории*. 1998. Личность и общество: проблемы самоидентификации. М.: Наука. С. 5–8.

Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями (1966–1968) (2008) // *Вопросы истории*. № 2. С. 44–83.

Реконструкции мировой и глобальной истории. От универсализма к моделям межкультурного диалога (2017). М.: Аквилон.

Репина Л.П. (2013) Историк в поиске. К 90-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного // *Диалог со временем*. Вып. 44. М.: ИВИ РАН. С. 232–248.

Репина Л.П. (2011) Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Круг.

Российская цивилизация (2003) М.: Академический проект.

Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты (2001) М.: Республика.

Сабенникова И.В. (2015) Теория когнитивной истории О.М. Медушевской: Точное гуманитарное знание и профессиональный выбор научного сообщества // *Вестник Российского Университета Дружбы Народов*. Сер. “История России”. № 2. С. 17–27.

Савельева И.М. (2018) История и теория: “*return to the real*” // *Диалог со временем*. Альманах интеллектуальной истории. (В печати.)

Согрин В.В. (2013) Три исторические субкультуры постсоветской России // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 91–105.

Споры о “Казусе”. [Ю. Л. Бессмертный] Ответы на вопросы (1997) // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории*. 1996. М.: ИВИ РАН. С. 306–307.

Теория и методология истории (2014^а). Волгоград: Учитель.

Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. (2014^б) М.: Аквилон.

Уваров П.Ю. (2015) Между “ежами” и “лисами”. Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение.

Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени (2000). М.: Изд-во РГГУ.

Что такое новая имперская история, откуда она взялась и к чему она идет? Беседа А. Смирнова с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер (2007) // *Логос*. № 1 (58). С. 218–238.

Эрикссон Э. (1996) Идентичность: Юность и кризис. М.: Прогресс.

Ader E.B. (1963) Soviet Imperialism or Communist Ideology – The Real Threat // *Social Science*. Vol. 38. No. 2 (April). Pp. 75–82.

Inglehart R. (1989) *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Mazlish B. (1993) *Global History in a Postmodernist Era? // Conceptualizing Global History*. Boulder: Westview Press. Pp. 113–127.

Riesman D., Glazer N., Denny R. (2001) *The Lonely Crowd. The Study of the Changing American Character*. Abridged Edition with a 1969 Preface. New Haven, London: Yale Univ. Press.

Saccarelli E., Varadarajan L. (2015) *Imperialism Past and Present*. New York: Oxford Univ. Press.

Thompson E.P. (1966) *The Making of the English Working Class*. New York: Vintage Books.

Tsvetkova N. (2013) *Failure of American and Soviet Cultural Imperialism in German Universities, 1945–1990*. Boston, Leiden: Brill.

Wouters C. (2007) *Informalisation: Manners and Emotions since 1890*. London: Sage.

Transformation of historical theories at the decline of the USSR and in post-Soviet Russia

I. IONOV*

* **Ionov Igor** – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Historical and Theoretical of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Address: 7 Krupskoy st., Moscow, 117331. E-mail: igion52@yandex.ru

Abstract

In the article, in the context of sociocultural and socio-psychological processes and the development of the world historical science, theoretical problems that faced the domestic historical science in the second half of the 20th and beginning of the 21st centuries, and ways of their solution are traced. The positions of the major historians, connections of their theoretical positions with their world outlook are presented. Their innovations are considered within the framework of cultural, anthropological, and spatial turns in historical knowledge. The problems of modern transformation of directions of knowledge created by them, the centers of innovative historical thought and the perspective of historical knowledge in modern Russia are analyzed.

Keywords: civilizational approach, history of mentalities, history of everyday life, new imperial history, cognitive history, intellectual history, histoire croisée.

REFERENCES

Ader E.B. (1963) Soviet Imperialism or Communist Ideology. The Real Threat. *Social Science*, vol. 38, no. 2 (April), pp. 75–82.

Barg M.A. (1984) *Kategorii i metody istoricheskoy nauki* [Categories and methods of historical science]. Moscow: Nauka.

Barg M.A. (1990) O kategorii “civilizacija” [About the category of civilization]. *Novaya i novejschaya istoriya*, no. 5, pp. 25–40.

Barg M.A. (1970) Uchenie ob obshhestvenno-ekonomicheskikh formacijah i konkretnyj analiz istoricheskogo processa [The doctrine of socio-economic formations and a concrete analysis of the historical process]. *Ocherki metodologii poznaniya social'nyh yavleniy*. Moscow: Mysl', pp. 249–298.

Berk P. (2015) Chto takoe kul'tural'naua istoriya? [What is a cultural history?]. Moscow: Izdatel'stvo HSE.

Bessmertnyj Ju. L. Chto za “Kazus”? [What a “Casus?”] (1997) *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii*. 1996. Moscow: IVI RAN, pp. 7–24.

Bessmertnyj Ju.L. (2003) Drugoe Srednevekov'e, drugajya istoriya srednevekovogo rytsarstva (materialy k lekci) [Other Middle Ages, another story of medieval chivalry (materials for the lecture)]. *Homo Historicus. K 80-letij so dnya rozhdeniya Ju.L. Bessmertnogo*. In 2 vols, vol. I. Moscow: Nauka, pp. 72–99.

Bessmertnyj Ju.L. (1995) Nekotorye soobrazheniya ob izuchenii fenomena vlasti i o koncepciyah postmodernizma i mikroistorii [Some considerations on the study of the phenomenon of power and on the concepts of postmodernism and microhistory]. *Odissey. Chelovek v istorii. 1995. Predstavleniya o vlasti*. M.: Nauka, pp. 5–19.

Bessmertnyj Ju.L. (1994) Novaya demograficheskaya istoriya [A New Demographic History]. *Odissey. Chelovek v istorii. 1994. Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii*. Moscow: Nauka, pp. 239–253.

Bessmertnyj Ju.L. (1991) *Zhizn' i smert' v srednie veka. Ocherki demograficheskoy istorii Francii* [Life and Death in the Middle Ages. Essays on the demographic history of France]. Moscow: Nauka.

Boytsov M.A., Togoeva O.I. (2007) Delo “Kazusa” [The “Case of the Casus”]. *Srednie veka, Issue 68(4)*, pp. 149–159.

Chelovek v mire chuvstv. Ocherki po istorii chastnoy zhizni v Evrope i nekotoryh stranah Azii do nachala Novogo vremeni (2000) [Man in the world of feelings. Essays on the history of private life in Europe and some Asian countries before the beginning of the New Time]. Moscow: Izd-vo RGGU.

Chto takoe novaya imperskaya istoriya, otkuda ona vzjalas' i k chemu ona idet? Beseda A. Smirnova s redaktorami zhurnala *Ab Imperio* Il'ey Gerasimovym i Marinoy Mogil'ner (2007) [What is a new imperial story, where did it come from and what is it coming to? A. Smirnov's conversation with editors of *Ab Imperio* magazine Ilya Gerasimov and Marina Mogilner]. *Logos*, no. 1 (58), pp. 218–238.

Erikson Je. (1996) *Identichnost': Yunost' i krizis* [Identity: Youth and crisis]. Moscow: Progress.

Grinin L.E., Korotaev A.V. (2009) *Social'naya makrojevoljuciya. Genesis i transformatsii Mir-Sistemy* [Social macroevolution. Genesis and transformation of the World System]. Moscow: LIBROKOM/URSS.

Gronskiy A.V. (2018) O konceptah avtoritarnoy i totalitarnoy lichnosti [On the concepts of an authoritarian and totalitarian personality // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis]. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psihoanaliza*, no. 1 (<http://psyjournal.ru/articles/o-konceptah-avtoritarnoy-i-totalitarnoy-lichnosti>).

Gurevich A.Ya. (1993) *Istoricheskiy sintez i shkola “Annalov”: pamyati Yu.M. Lotmana* [Historical synthesis and the school of “Annals”: the memory of Yu.M. Lotman]. Moscow: Indrik.

Gurevich A.Ya. (1991) O krizise sovremennoy istoricheskoy nauki [On the Crisis of Modern Historical Science]. *Voprosy istorii*, no. 2–3, pp. 21–35.

Gurevich A.Ya. (1994) “Put' pryamoy kak Nevskiy prospekt”, ili ispoved' istorika [“The Way Straight as the Nevsky Prospekt”, or the Confession of a Historian.]. *Odissey. Chelovek v istorii. 1994. Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii*. Moscow: Nauka, pp. 7–34.

Iggers G., Van Je. (2012) *Global'naya istoriya sovremennoy istoriografii* [The global history of modern historiography]. Moscow: Kanon.

Inglehart R. (1989) *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Ionov I.N. (2014) Global'naya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii. St. 4 [A global history and study of Russia's past. Part 4]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 123–140.

Ionov I.N. (2016) Istoricheskaya teoriya srednego urovnya i ee sovremennoe znachenie [Historical theory of the average level and its modern meaning]. *Lyudi i teksty. Istoricheskij al'manah. 2015. Ideya istorii. K 100-letiyu M.A. Barga*. Moscow: IVI RAN, pp. 55–81.

Ionov I.N. (2015^a) Problemy sovremennoy makroistorii. St. 1: Shag vpered, dva shaga nazad? [Problems of modern macrohistory. Part 1: Step forward, two steps back?]. *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii*, iss. 50, pp. 34–58.

Ionov I.N. (2015^b) Proekt “kognitivnoy istorii”: arheologiya i jekologiya idey (Razmyshleniya nad ocherednoy publikatsiey O. Medushevskoy) [The “cognitive history”: archeology and ecology of ideas (Reflections on the regular publication of O. Medushevsky)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 84–95.

Ippolitov G.M., Repineckiy A.I. (2012) Istoriya povsednevnosti: nekotorye aspekty genezisa i evolyucii otrasli istoricheskoy nauki [History of everyday life: some aspects of the genesis and evolution of the branch of historical science]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, vol. 14, no. 3, pp. 154–161.

Kakoe proshloe nuzhno budushhemu Rossii? Doklad Vol'nogo istoricheskogo obshhestva Komitetu grazhdanskikh iniciativ 23 yanvarja 2017 g. (2017) [What past does Russia need in the future? Report of

the Free Historical Society to the Committee of Civil Initiatives on January 23, 2017] (<https://komitetgi.ru/analytics/3076/>).

Koposov N.E. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the strict regime. History and politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Korotaev A.V., Malkov A.S., Halturina D.A. (2007) *Zakony istorii: Matematicheskoe modelirovanie. Demografiya, ekonomika, kul'tura* [Laws of history: Mathematical modeling. Demography, economics, culture]. Moscow: URSS.

Kurnosov A.A. (2006) Ob odnom iz epizodov razgroma istoricheskoy nauki 1960–1970-h gg. (Po materialam Centra hraneniya sovremennoy dokumentatsii) [On one of the episodes of the defeat of the historical science of the 1960–1970s. (Based on the materials of the Center for the Preservation of Modern Documentation)]. *Voprosy obrazovaniya*, no. 4, pp. 363–389.

Malovichko S.I., Rumyantseva M.F. (2013) *Istoriya kak strogaya nauka vs social'no orientirovannoe istoriopisanie* [History as a rigorous science vs socially oriented historiography]. Orekhovo-Zuevo: MGOGI.

Mazlish B. (1993) Global History in a Postmodernist Era? *Conceptualizing Global History*. Boulder: Westview Press, pp. 113–127.

Medushevskiy A.N. (2013) Ol'ga Mihajlovna Medushevskaya: intellektual'nyy portret [Olga Mihailovna Medushevskaya: an intellectual portrait]. Medushevskaya O.M. *Prostranstvo i vremya v naukah o cheloveke: Izbrannye Trudy* [Space and time in the sciences of man: selected works]. Moscow; St-Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, pp. 7–48.

Morozov N.M. (2014) *Konceptualizatsiya istoricheskogo znaniya o rossijskoy civilizatsii na rubezhe XX–XXI vv.* [Conceptualization of historical knowledge of Russian civilization at the turn of the 20th and 21st centuries]. Kemerovo: Praktika.

Nagornaya O.V. (2008) *Teoriya i istoriya kul'tury povsednevnosti zarubezhnykh stran. Metodicheskie ukazaniya k seminarским zanyatiyam dlya studentov-kul'turologov* [Theory and history of everyday culture of foreign countries. Methodical instructions for seminars for students-culturologists]. Orenburg: IPK OGU.

Odiseyu – 10 let (1999) [The Odyssey is 10 years old]. *Odissey. Chelovek v istorii. 1998. Lichnost' i obshchestvo: problemy samoidentifikatsii*. [Person in history. Personality and society: problems of self-identification]. Moscow: Nauka, pp. 5–8.

Partiynaya organizatsiya Instituta istorii AN SSSR v ideynom protivostoyanii s partiynymi instantsiyami (1996–1968) (2008) [Party organization of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in ideological confrontation with party authorities (1996–1968)]. *Voprosy istorii*, no. 2, pp. 44–83.

Rekonstruktsii mirovoy i global'noy istorii. Ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga (2017) [Reconstruction of world and global history. From universalism to models of intercultural dialogue]. Moscow: Akvilon.

Repina L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. Social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the Twenty-First Century. Social theories and historiographic practice]. Moscow: Krug.

Repina L.P. (2013) Istorik v poiske. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo [The historian is in search. On the occasion of the 90th anniversary of the birth of Yu.L. Bessmertny]. *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noy istorii*, iss. 44, pp. 232–248.

Riesman D., Glazer N., Denny R. (2001) *The Lonely Crowd. The Study of the Changing American Character. Abridged Edition with a 1969 Preface*. New Haven, London: Yale Univ. Press.

Rossiyskaya civilizatsiya (2003) [Russian civilization]. Moscow: Akademicheskii proekt.

Rossiyskaya civilizatsiya. Etnokul'turnye i duhovnye aspekty (2001) [Russian civilization. Ethnocultural and spiritual aspects]. Moscow: Respublika.

Sabennikova I.V. (2015) Teoriya kognitivnoy istorii O.M. Medushevskoy: Tochnoe gumanitarnoe znanie i professional'niy vybor nauchnogo soobshchestva [Theory of cognitive history O.M. Medushevskaya: Exact humanitarian knowledge and professional choice of the scientific community]. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhy Narodov, Ser. Istorija Rossii*, no. 2, pp. 17–27.

Saccarelli E., Varadarayan L. (2015) *Imperialism Past and Present*. New York: Oxford Univ. Press.

Savel'eva I.M. (2018) Istoriya i teoriya: “return to the real” [History and theory: “return to the real”]. *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noy istorii*. (V pechati).

Sogrin V.V. (2013) Tri istoricheskie subkul'tury postsovetskoy Rossii [Three historical subcultures of post-Soviet Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 91–105.

Spory o "Kazuse". (1997) [Yu. L. Bessmertny] Otvety na voprosy [Disputes about the "Case." [Yu. L. Bessmertny] Answers to questions]. *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii*. 1996, pp. 306–307.

Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' (2014^b) [Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary]. Moscow: Akvilon.

Teoriya i metodologiya istorii (2014^a) [Theory and Methodology of History]. Volgograd: Uchitel'.

Thompson E.P. (1966) *The Making of the English Working Class*. New York: Vintage Books.

Tsvetkova N. (2013) *Failure of American and Soviet Cultural Imperialism in German Universities, 1945–1990*. Boston, Leiden: Brill.

Uvarov P.Yu. (2015) *Mezhdu "ezhami" i "lisami". Zametki ob istorikah* [Between "hedgehogs" and "foxes". Notes about historians]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Voslenskiy M. (1991) *Nomenklatura. Pravyashhiy klass Sovetskogo Soyuz*. Moscow: MP "Oktyabr", "Sovetskaya Rossiya".

Werner M., Zimmermann B. (2007) Posle komparativa: Histoire croisée i vyzov reflektivnosti. *Ab Imperio*, no. 2, pp. 59–90.

Wouters C. (2007) *Informalisation: Manners and Emotions since 1890*. London: Sage.

Zin'kina Yu.V., Il'in I.V., Andreev A.I., Aleshkovskiy I.A., Korotaev A.V. (2016) Vvedenie [Introduction] Zin'kina Yu.V., Il'in I.V., Andreev A.I., Aleshkovskij I.A., Korotaev A.V. *Istoricheskaya globalistika*. T. 1. [Historical Globalistics; vol. 1]. Moscow: Moskovskaya redakciya izd-va "Uchitel'", Izd-vo Moskovskogo universiteta, pp. 8–12.

© И. Ионов, 2018